

*...Свою Україну любить,
Любить її... Во время люте,
В остатню тяжкую минуту
За неї Господа молитъ.*

УДК 84

С. Глузман, глава ассоциации психиатров Украины,
бывший политзаключенный

ЯЗЫКИ И КУЛЬТУРА В УКРАИНЕ (без претензии на академичность)

Вопрос о праве людей считать себя обладающими абсолютной истиной и вопрос о праве этих обладателей принуждать других жить и действовать согласно с этой истиной – тревожный и жгучий вопрос. Я прочитал эти слова в сборнике «Свобода и культура», изданном в Санкт-Петербурге в 1906 году. Пророческие слова...

Тогда, в 1982 году, я жил в стране, власти которой обладали абсолютной истиной, неизблемой и в то же время постоянно меняющейся. Марксизм-ленинизм объяснял всё, прошлое, настоящее, будущее. В стране угасала культура сомнений. Высказанные вслух или записанные сомнения карались санкцией по статье №62 Уголовного кодекса «Анти-советская агитация и пропаганда».

В двадцать шесть лет у меня были серьёзные сомнения. Именно поэтому я стал узником тюрьмы КГБ и, затем, уральского политического лагеря. Там, в зоне я понял очень важную для меня истину: существует какой-то один универсальный язык за всеми существующими языками, это язык Бога. Там, в зоне, где я провёл семь долгих лет, я подружился с прежде неизвестными мне людьми – крестьянскими сыновьями, отбывавшими свой двадцатипятилетний срок заключения за сопротивление сталинской оккупации их земли, Западной Украины. И никто из них, самых настоящих бандеровцев, никогда не задал мне вопрос: “Чому ти розмовляєш з нами російською мовою?” Как не задал мне этот вопрос Василь Стус, с которым я провёл двадцать невыразимо сладких дней в камере внутренней тюрьмы КГБ.

Именно там, в лагере строгого режима для особо опасных государственных преступников, я понял, что в сознании современного человека живёт сопряжение трагедий Эдипа и Христа, Гамлета и Дон-Кихота. Именно там “украинский буржуазный националист” Иван Алексеевич Свитлычный, мой учитель и друг, сообщил мне мудрые слова француза Мальро: “Культурное наследие – это хор голосов, отвечающих на наши вопросы”. Там же, прогуливаясь со мною перед баракком, он, крестьянский сын из Луганской области, произнёс такое, очень важное для меня: интеллигенция есть часть народа, чувствует то же, что и народ, но в силу лучшего образования ярче это осознаёт и даёт этому выражение. Там, в лагере, изъятый из литературной (т. е. профессиональной!) жизни своей страны, он, “украинский буржуазный националист” учил меня необходимости выступать

© С. Глузман., 2014

против разнузданного патриотизма, фактически цитируя Петра Чаадаева. Он выписывал по системе “книга-почтой” бесконечно издаваемые советской властью книги и книжечки заблудованных украинских поэтов и прозаиков, позднее ставших “основоположниками” украинской независимости, на самом деле, назначивших себя ими. Такая у него была профессия – л = итературная критика.

Там же, в лагере милый, мягкий, даже какой-то нежный львовский поэт Игорь Калынец заставил меня прочитать “Войну и мир”, прежде отторгнутую мною из-за советской школьной “программы”. Он, “буржуазный украинский националист”, научил меня по-настоящему любить Лескова. И он же, Игорь, открыл мне великолепного раннего Тычину и невероятно красивого Антоныча. И почти ежедневно он читал мне свои новые стихи, совсем не “политические”, настоящие, чувственные. Я был слушателем №2, первым, разумеется, был Мэтр, Свитлычный. Там однажды он произнёс слова, врезавшиеся в мою память: “Стихотворения – это коридоры, соединяющие прошлое с настоящим”. Такое может произнести только Поэт.

Загерманная в уральских лесах зона ВС 389/35 открыла мне Украину, её историю, её культуру. Настоящую, искреннюю культуру, к которой ни поздний Тычина, ни всегдашний Борис Олейник не имели никакого отношения. Там я узнал от украинских литераторов-заключенных о великих Потемне и Хомском, о порождающих грамматиках, о мудром современнике Лотмане, нашедшем укрытие в полусоветском (или – недосоветском) Тарту. Мы говорили и слушали по-украински и по-русски, не замечая различия в языках. Там, в уральской тайге, мы были хранителями культуры. Какой культуры? Ну, разумеется, европейской.

Смерть Стуса была трагедией всей европейской культуры. Василь Стус был великим поэтом. Искренним, не знающим порочного ремесла мимикрии. Такие не могут выжить в условиях постоянной тоталитарной лжи. И, на мой взгляд, продолжение трагедии Стуса – навязывание творчества этого богоизбранного поэта в школьной программе. Стус – не для всех. Дорога к пониманию Стуса – длинная, нелёгкая.

Прошли десятилетия. Сегодня говорить и писать правду возможно. Одна из наших горьких истин – присутствие в нашей жизни многочисленных политиков, циничных, малообразованных и очень скользких. Это они постоянно создают проблемы, разжигают конфликты. Надеюсь, мы научимся укрощать их. А пока можем утешиться мудрыми словами Сергея Борисовича Крымского: “Власть – богооставленное место”.

Всё главное уже сказано. Последние революционные события в Украине не панацея. Мы по-прежнему серьёзно больны. “Всякая революция осуществляет гораздо меньше, чем она обещает”. Эти слова записал Пётр Струве в 1906 г